

Чжу Сяосуй опешил, но, заметив свою оплошность, тут же отвел взгляд и засуетился:

— Если уж молодой господин не сердится, то мне и подавно не с чего. Давайте поскорее поедим, нам еще нужно вернуться в лавку сушеных продуктов за укрепляющими снадобьями.

Неподалеку уже начали подавать блюда, заказанные Тань Шуцю: на столе выстроились многочисленные тарелки и пиалы, ломившиеся от курицы, утки, рыбы и мяса. В этот момент на второй этаж поднялась еще одна компания. Все они были одеты в парчовые одежды, подпоясаны нефритовыми кушаками, на головах красовались серебряные венцы, а на поясах висели длинные мечи. Молодые люди оживленно переговаривались и смеялись. Чжу Сяосую была знакома подобная картина: в Цзяннани богатые молодые господа каждый год собирались вместе на весенние прогулки и поэтические состязания. Похоже, эта компания тоже состояла из наследников различных сект Цзянху, решивших вместе отобедать.

Свободных столов на втором этаже больше не осталось. Подбежавший трактирный слуга заискивающе улыбнулся:

— Уважаемым господам придется немного подождать, впереди есть другие гости, они пока еще пьют чай.

Чжу Яньинь, который и был одним из этих «других гостей», не ждал ничего хорошего от заносчивых молодых господ. Ему совсем не хотелось спорить с кем-то на голодный желудок, поэтому он решил уйти вместе с Чжу Сяосую. Однако не успел он подняться, как новоприбывшие обступили самый большой стол в центре — стол Тань Шуцю.

— О, брат Тань, ты тоже здесь обедаешь?

— Уже закончил?

— Раз закончил, то мы забираем этот стол.

Договаривая, они намеренно побросали свои мечи на стол. Раздался громкий лязг, посуда накренилась, на столе воцарился полный беспорядок.

Тань Шуцю то бледнел, то краснел от злости. Под общий хохот и издевки он процедил сквозь зубы:

— Я еще не доел!

— Да мы и не торопим, ешь спокойно. Может, тебя покормить?

Один из пришедших, одетый в синее, подхватил пиалу с супом и попытался влить кипящую мясную похлебку прямо ему в рот. Тань Шуцю в панике вскочил и отшатнулся на пару шагов назад, но густой суп все равно облил его с ног до головы. Взрыв смеха вокруг стал еще громче. Другие посетители либо с любопытством наблюдали за происходящим, либо, зная, кто он такой, открыто потешались. Слуги из Банды Цанлан, которые обычно вели себя заносчиво, на сей раз не посмели заступиться за молодого хозяина. Они лишь принялись вытирать пятна с его груди, тихо уговаривая:

— Молодой господин, уйдем отсюда.

Тань Шуцю сжал кулаки, вспомнив наказ отца: «Ни в коем случае не вступай в споры с крупными сектами». В конце концов он проглотил обиду и хрипло произнес:

— Я закончил. Стол ваш.

Чжу Сяосуй презрительно хмыкнул:

— Надо же, смелый только со слабыми.

Чжу Яньинь повернул голову и случайно встретился с Тань Шуцю взглядом.

Чжу Яньинь посмотрел на него из простого любопытства, а вот Тань Шуцю... даже после такого унижения все еще переживал, не стал ли его «заклятый враг» свидетелем этого позора.

Чжу Яньинь, который лишь вчера удостоился чести стать его «заклятым врагом», промолчал.

Шумная компания молодых господ, заметив, что Тань Шуцю смотрит в угол зала, тоже повернула головы.

Поскольку Чжу Сяосуй перед этим отодвинул их стол подальше, Чжу Яньинь наполовину скрывался в тени, и, если не приглядываться, заметить его было трудно.

Кто-то в толпе узнал Чжу Яньиня. «Разве это не тот самый человек, который вчера днем на улице Сянсы так любезно беседовал с Владыкой дворца Ли?» — с потрясением подумал он.

В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Чжу Яньинь тоже растерялся, не понимая, с чего это вдруг вся орава уставилась на него. Неужели завернуться в семь-восемь слоев узорчатого шелка — это действительно настолько роскошно и изысканно, что никто не может отвести глаз?

Да нет, бред какой-то.

Не до конца понимая, что происходит, он решил сохранить дружелюбное выражение лица и продолжил с теплотой смотреть на стоявших напротив людей.

Молодые люди знатного происхождения действительно присмирели под этим взглядом с натянутой улыбкой. Они не могли понять, связывает ли незнакомца что-то с Тань Шуцю или он просто недоволен поднятым шумом, но в любом случае решили, что от греха подальше лучше поскорее убраться.

Их спесь моментально испарилась, и они, обгоняя друг друга, поспешили покинуть трактир.

Чжу Яньиню даже показалось — возможно, это было лишь иллюзией, — что кто-то в суматохе успел отвесить ему поклон.

«...»

Лишь Тань Шуцю продолжал стоять на прежнем месте.

Вчера, едва вернувшись на постоянный двор, он сразу попал под горячую руку отца, который отчитал его и запер вместе со слугами в комнате размышлять над своим поведением. Поэтому Тань Шуцю и понятия не имел, какое исключительное положение Второй молодой господин Чжу успел занять в свежих городских сплетнях и книжках. Однако, судя по реакции той компании, он пришел к выводу, что сидящий напротив господин действительно обладает невероятно высоким статусом.

Чжу Яньинь наблюдал, как Тань Шуцю сначала стоял в оцепенении, а затем быстрым шагом направился к лестнице. Но на полпути он резко замер и обернулся.

Чжу Сяосуй испугался уже во второй раз за день. Решив, что парень хочет затеять драку, он тут же заслонил собой своего молодого господина.

Грудь Тань Шуцю бурно вздымалась, кадык ходил ходуном. Он хотел что-то сказать, но никак не решался открыть рот.

Видя, с каким трудом тому даются слова, Чжу Яньинь взял инициативу на себя:

— Не стоит благодарности.

Тань Шуцю заметно расслабился и, опустив голову, поспешно ушел.

Чжу Сяосуй недоуменно пробормотал:

— И что это за странные повадки!

Слуга быстро прибрал беспорядок, и инцидент был исчерпан — в конце концов, в Центральных равнинах для людей Цзянху хвататься за оружие и устраивать потасовки было делом обычным. Чжу Яньинь заказал несколько блюд и хотел было обсудить странное поведение тех людей из Цзянху, но Чжу Сяосуй стоял на своем. Он упрямо твердил, что они либо опешили от невероятного изящества молодого господина, коего эти неотесанные мужланы отродясь не видывали, либо у них просто не все дома — ведь в Цзянху почти все умом тронутые.

Чжу Яньинь вздохнул:

— Ладно, позже расспрошу об этом брата Минчуаня.

Обед прошел беспокойно и оставил неприятный осадок. Сделав всего пару укусов, Чжу Яньинь отложил палочки. От нечего делать он повернул голову к окну и увидел, что Тань Шуцю все еще на улице — сидит в одиночестве в маленькой чайной лавке, понурый, точь-в-точь как побитый морозом баклажан.

Разумеется, Чжу Яньинь не считал его хорошим человеком, но и злодеем тот тоже не казался. В конце концов, будь Тань Шуцю по-настоящему жестоким и беспощадным, вчера в оружейной лавке ему вряд ли позволили бы так безнаказанно разбрасываться словами.

...

Тань Шуцю смотрел на фарфоровую пиалу перед собой, наблюдая, как над мутной заваркой поднимается горячий пар, а затем с силой вытер лицо рукавом.

Чжу Яньинь мысленно извинился за то, что помешал.

Тань Шуцю тоже не ожидал, что у его позора и унижения появится свидетель, и потому грубо спросил:

— Ты-то зачем пришел?

Чжу Яньинь ответил:

— По-хорошему, мне следовало бы соврать, что я зашел выпить чаю, но сомневаюсь, что ты

поверишь.

Тань Шуцю промолчал.

Чжу Яньинь присел напротив и заказал себе чайник чая.

Так они и пили чай в молчании довольно долго, пока Тань Шуцю наконец не выдержал:

— Ты ждешь, пока я начну жаловаться на жизнь?

Чжу Яньинь налил себе чаю:

— Я просто считаю, что ты намного лучше тех наглецов.

— Я понимаю, — ответил Тань Шуцю.

Сегодня все увидели его позор, и Тань Шуцю чувствовал себя ужасно подавленным:

— Но они из великих и прославленных сект, мне нельзя переходить им дорогу.

— А я-то думал, в Цзянху все решает мастерство, — заметил Чжу Яньинь.

Тань Шуцю посмотрел на него:

— Ты вот и меч в руках удержать не можешь, а тебя все равно все уважают. Из этого сразу видно, насколько важно иметь за спиной сильную секту.

Чжу Яньинь покачал головой:

— За моей спиной нет никакой секты.

Тань Шуцю изумился:

— Нет секты? Тогда... почему те люди сбежали в таком страхе?

Чжу Яньинь ответил, что, возможно, дело в его невероятном и пленительном благородстве.

Тань Шуцю лишился дара речи.

Тань Шуцю словно безмолвно взывал к его совести: «Скажи мне это еще раз, положив руку на сердце. Ты и правда думаешь, что я поверю?»

На что Второй молодой господин Чжу ответил бы: «У нас, в знатных семьях, совести отродясь не бывало».

Так они и допили чайник чая. Лишь когда слуга из Банды Цанлан вернулся с новым халатом и помог Тань Шуцю переодеться в отдельной комнате, Чжу Яньинь поднялся и ушел.

Чжу Сяосуй недоумевал:

— Молодой господин, зачем вы вмешиваетесь в чужие дела?

Чжу Яньинь ответил:

— Он выглядел таким раздавленным, да еще и остался совсем один. Я побоялся, как бы он с

горя не наложил на себя руки.

Или не оскотил себя — в приключенческих романах ведь постоянно о таком пишут.

Но, к счастью, слуга всего лишь ходил за новой одеждой.

Свистел пронзительный ветер.

Ли Суй стоял на вершине высокой башни, наблюдая, как Чжу Яньинь вышел из чайной лавки, зашел в лавку сушеных продуктов и вскоре появился оттуда с целой горой нелепых подарочных коробок, перевязанных красным шелком. По своему размаху эта гора вполне могла сойти за свадебные дары. С трудом удерживая их, Чжу Яньинь забрался в повозку.

Люди из Демонического культа, словно дураки, тенью следовали за Чжу Яньинем по пятам.

К тому же двое из них, похоже, отделились и привязались к Тань Шуцю.

Теневой страж Дворца Ваньжэнь заметил неладное:

— Владыка, они собираются следить за всеми, кто хоть как-то общался с Чжу Яньинем?

Ли Суй развернулся, собираясь покинуть башню:

— Тогда найди способ сделать так, чтобы все люди Цзянху нанесли визит Второму молодому господину из Усадьбы Чжу.

Башня Сюаньлинь более сотни лет назад служила башней с механизмами. Говорили, что ее конструкция была невероятно опасной и искусной, из-за чего она часто упоминалась в преданиях Цзянху. Хотя сейчас от ветров, дождей и снегов ее стены обветшали и осыпались, ее черный, как смоль, силуэт, напоминающий извивающегося гигантского змея, все еще внушал трепет.

<http://bllate.org/book/18290/1754025>